

The background of the entire cover is a painting of a child sitting on a swing, seen from behind. The child is wearing a light-colored, hooded raincoat. The swing is suspended by two black ropes. The scene is set in the rain, with numerous vertical streaks of white and light blue representing falling rain. The sky is a pale, yellowish-green, while the area around the swing and the bottom of the image are dark teal and blue, suggesting a wet ground and a dark sky. A light blue, torn-edge banner is positioned across the upper middle of the image, containing the title text.

Вдова, Жаба и Золото

КСЕНИЯ ШАМАНОВА

Ксения Шаманова

Вдова, Жаба и Золото

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68918715

SelfPub; 2025

Аннотация

К сожалению, многие педагоги предвзято относятся к своим ученикам. Если ребёнок нарушает дисциплину – значит, он будущий преступник; если постоянно мечтает на уроках – лентяй и бездарь, а если учится только на отлично и беспрекословно выполняет все требования учителя, то совершенно точно добьётся высот в будущем. Однако мы никогда не знаем, что творится в душе каждого ребёнка и с какими трудностями ему приходится сталкиваться ежедневно. Мы попадаем в ловушку стереотипов и наклеиваем ярлыки, даже не задумываясь о возможных последствиях собственных неосторожных слов и действий. Повесть «Вдова, Жаба и Золото» – это история из трёх частей, каждая из которых посвящена непростой жизни подростка, нуждающегося в понимании и поддержке. Написано для учителей, подростков и их родителей, а также всех неравнодушных читателей любого возраста.

Содержание

Вдова	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ксения Шаманова

Вдова, Жаба и Золото

Марианна Николаевна тревожно водила ручкой по незнакомым фамилиям новых учеников. Растрёпанные каштановые волосы закрывали нахмуренное лицо, и молодой учительнице то и дело приходилось отбрасывать капризные пряди. Наконец, она выпрямилась, тяжело вздохнула, предчувствуя, какой неподъёмный груз собирается взвалить на слабые плечи, выронила ручку и, закинув одну ногу на другую, принялась ждать классного руководителя 8 «Г». Через пару минут в тесный кабинетик английского языка ввалилась полная женщина в строгом синем костюме с брошью-бабочкой, приколотой к воротнику пиджака. Она кивнула коллеге в знак приветствия, приклеила улыбку и села за первую парту у окна. Недовольно поворчала, заметив нецензурное слово, выгравированное канцелярским ножом, надела очки с толстыми пыльными стёклами и с откровенным пренебрежением оглядела худощавую фигуру в безразмерной вязаной кофте и тёмно-серых джинсах. Марианна Николаевна смутилась, спрятала ноги под столом и вежливо протянула выскомерной женщине классный журнал.

– Вот... Изучала... – беспомощно развела руками она и тотчас же залилась краской, злясь на собственную неуверенность.

– Не беспокойтесь, я вам сейчас всё расскажу, – собеседница, казалось, сменила гнев на милость и удержалась от замечания по поводу неподобающего внешнего вида молодого специалиста. – Вы, наверное, впервые берёте классное руководство?

Марианна Николаевна кивнула, но поспешила добавить:

– Правда, в школе я отработала уже два года.

Классная 8 «Г» неодобрительно покачала головой: слишком маленький стаж, едва ли справится с такими сорванцами, а через два года – выпуск, разве такая молоденькая выдержит? Да она сбежит при первой же удачной возможности!

– Понимаете... Я так беспокоюсь! Если бы не обстоятельства, я бы, конечно, довела их до девятого класса, – женщина с сокрушённым видом коснулась руки молодого педагога. – Но вы ведь сможете, правда? Не бросите моих ребята на произвол судьбы? – в глазах блеснуло что-то похожее на слёзы. В эту минуту в дверь постучали, и учительница, опомнившись, снова нахмурилась и грубым голосом крикнула:

– Войдите.

На пороге появилась хрупкая девочка с длинным вытянутым лицом. Небрежно заплетённая чёрная коса доходила почти до пояса и казалась слишком тяжёлой и громоздкой для своей маленькой хозяйки. Она робко оглядела учителей, извинилась за беспокойство и тихо спросила, почему-то опустив глаза:

– Валентина Петровна, а где у нас следующий урок?

Классная руководительница с негодованием ударила по парте.

– А я что, за вами в 8-м классе следить должна? Расписание смотреть не умеете? У меня что, по-вашему, других дел нет?

– Ну там просто... просто поменяли, – промямлила девочка, отступая и скрываясь за дверь.

– Вон отсюда! Не видишь, я разговариваю с Маргаритой Николаевной?

Молодая учительница испугалась не меньше ученицы, вжалась в стул и с ужасом наблюдала, как багровеет лицо Валентины Петровны. Бедняжка не решилась поправить старшую коллегу: лучше оставаться Маргаритой, чем рисковать собственной жизнью. Кто знает, на что способна эта разъярённая женщина? Но как только дверь захлопнулась, классная 8 «Г» выдавила из себя слащавую улыбку и с виноватым видом пояснила:

– Бестолковая девчонка! Всё время как блаженная какая-то... На уроках ворон считает, ничего не видит и не слышит. Родители вообще в школьной жизни не участвуют. Ни разу ни одного собрания не посетили, – Валентина Петровна махнула рукой. – Даже внимания не обращайтесь. Себе дороже. Пусть доучится с грехом пополам до девятого, а там... – повторила обречённый жест. – Ну дурочка, что с неё взять?

– А как её зовут? – слегка охрипшим голосом спросила Марианна Николаевна, пододвигая к себе классный журнал.

– Вдовушкина. Надя Вдовушкина.

Вдова

Она медленно повернула ключ и с замиранием сердца отворила железную дверь. Вот бы никого не было дома! Целый день провести в блаженном одиночестве – разве может быть что-то прекраснее? Крик новорождённой мечты умолк, как только Надя вошла в холодную тёмную квартиру. Неделю назад в коридоре перегорела лампочка, но беспечных жителей это совершенно не волновало. Девочка специально её не вкручивала, потому что хотела немного помечтать. Хотя бы пару секунд почувствовать себя самым обыкновенным подростком, который приходит после школы в пустой дом и наслаждается тишиной. А потом с работы возвращаются уставшие родители, интересуются её отметками, спрашивают, сделала ли она на завтра домашнее задание, и, наконец, все вместе садятся ужинать. Может быть, немного поругаются перед сном – в этом нет ничего страшного. Пусть это будет самая обыкновенная среднестатистическая семья. Лишь бы не этот ежедневный ад, в котором она вынуждена существовать, без надежды выбраться и исчезнуть... Куда угодно и на любое время, только бы прекратились мучения и утихла нестерпимая боль.

Надя запнулась, не заметив в темноте бутылку из-под коньяка. Уязвлённая до глубины своего бездушия, та рухнула на пол и раскололась вдребезги. Пьяный голос из комнаты

покрыл вошедшую дочь матом. Надя скрипнула дверью, и лохматая голова матери свесилась с кровати. Поджав губы, женщина с огромным синяком под левым глазом проворчала:

– Да не скрипи ты. И так тошно...

Надя ринулась собирать с пола пустые бутылки, как будто её суетливые жесты ещё могли что-то исправить, стереть прошлое и изменить будущее. Поранившись, девочка упала на колени и расплакалась. Её уже давным-давно не пугала физическая боль. Надя плакала вовсе не потому, что из безымянного пальца сочилась тёмная кровь. Она плакала от жалости к самой себе. Она плакала, потому что некому было её пожалеть.

– Чего разнылась? – в комнату, пошатываясь, вошёл отец. Он вернулся из ванной комнаты и на ходу застёгивал дырявые штаны.

– На тебе, – Вдовушкин вытащил из кармана смятую бумажку и бросил на колени дочери. – Купи мне пива, – он опять пошатнулся, но удержался за дверную ручку. – Не принесёшь – убью, – погрозил притихшей Наде пальцем и, свалившись на кровать, громко захрапел. Мать толкнула мужа ногой в бок и снова выматерилась. Приподнялась на локтях, оглядела пропахшую алкоголем и табачным дымом комнату с таким недоумением, точно видела её впервые, и потянулась к зажигалке, которая лежала на деревянном табурете вместе с полупустой пачкой сигарет.

– Ты ещё здесь? – Вдовушкина вопросительно подняла густую бровь.

Надя встала, так и не собрав бутылки. «К сожалению, я всё ещё здесь», – хотела сказать она. Девочка проглотила шершавый комок слёз и повернулась спиной к матери.

– Пойдёшь в магазин – захвати сигареты... Иначе я тебя сама изобью.

Надя прекрасно знала, что эти угрозы не были пустыми словами, которыми отец и мать приправляли грубые фразы при каждом удобном случае. На её бледной, почти прозрачной коже до сих пор не зажили синяки после отцовского юбилея. Тогда в их маленькой квартире собралось слишком много людей. Надя пыталась делать уроки, воткнув наушники, чтобы заглушить пьяные голоса. Всё закончилось руганью и дракой; гости со скандалом разошлись, назвав Вдовушкиных парочкой полоумных. Отец ворвался в комнату дочери и, кажется, о чём-то спросил. Она неподвижно сидела за столом в наушниках и читала книгу, которая лежала перед ней в перевёрнутом виде. Музыка давно выключилась – телефон сел, но девочка как будто ничего не замечала. Она грезила – наяву и с открытыми глазами. Там, на кухне, собрались счастливые люди, приехавшие поздравить именинницу. Мама разливала по чашкам душистый чай, который купила в местной лавке, а папа рассказывал гостям о своей умной дочери. Вот она закончила учебный год на одни пятёрки, выучила китайский язык, выступила на музыкальном концер-

те... «Моя Наденька прелестно играет на флейте», – с сияющей улыбкой делится он. А Надя выбегает навстречу рядным гостям, оправляет шифоновое светло-розовое платье с рукавами, похожими на крылья, и делает неловкий реверанс. Все смеются и говорят, что она вырастет настоящей красавицей. Но в реальности всё по-другому: наушники вырваны, руки скручены за спиной, а после первого удара ремнём темнеет в глазах. Надя затрясла головой, желая прогнать страшное воспоминание, сняла с вешалки куртку и, не накинув даже на плечи, вылетела из тесной квартиры. Побежала по сугробам, спотыкаясь и падая. Наконец, заметила, что в спешке позабыла надеть ботинки и выскочила на улицу в одних тапочках.

Надя остановилась у чужого двухэтажного дома и, спрятав озябшие руки в карманах старой куртки, присела на заснеженную скамейку. Было зябко и сыро, но девочка всё-таки не уходила, словно решила замёрзнуть здесь насмерть. Впрочем, её совсем это не пугало: лишь бы не возвращаться. Что, если жизнь – самая настоящая катастрофа, в которой страдают невинные люди, а там, за чертой, её ждёт желанное избавление? Маленькая Вдова повела плечами и приблизила пальцы к губам. Она отогревала их горячим дыханием и удивлялась, что внутри неё всё ещё есть немного тепла. Кажется, может даже с кем-нибудь поделиться, если потребуется. Но разве есть на свете кто-то несчастнее её? Надя обняла себя за плечи и закрыла глаза. На мокрых ресницах таяли снежин-

ки, а на потрескавшихся губах блуждала безумная улыбка. Вот всегда так: больше всего на свете хочется плакать, а она улыбается. Наверное, уже выплакала весь запас слёз, дарованный человеку от рождения, и вот теперь такая простая способность будто атрофировалась. Надя закрыла ладонями покрасневший от холода нос и трижды чихнула.

– Будь здорова, – раздался над ухом чей-то жизнерадостный голос. Не поднимая глаз, девочка вскочила с места и собралась бежать, но внезапно явившаяся незнакомка схватила её за руку.

– Так я и знала! – присвистнула девушка. – Это ты! – она хлопнула окаменевшую Вдовушкину по плечу. Девочка медленно повернулась и узнала в назойливой собеседнице свою одноклассницу Алинку Белову – модницу и красавицу. Надя никогда с ней не общалась, потому что считала себя слишком неуклюжей и несимпатичной в сравнении с этой сияющей барби. Она действительно напоминала куклу: длинные белоснежные волосы, перехваченные шёлковой алой лентой, внимательные зелёные глаза, пушистые, подкрашенные тушью ресницы и идеальная фарфоровая кожа. Наде всё время казалось, что она рассыплется, если случайно заденешь рукой.

– Привет, – охрипшим голосом проговорила Вдовушкина, моля высшие силы, чтобы одноклассница не увидела её тапочки. Конечно, над Надей никто в открытую не издевался, но все посмеивались и зачастую шушукались при её появле-

нии. Учителя время от времени делали школьнице колкие замечания: «А Вдовушкина у нас опять в мечтах и грёзах!», «Вдовушкина, как обычно, на своей волне». Но Надю это не слишком задевало – лишь бы не проводили воспитательные беседы и не угрожали, что вызовут родителей в школу. Она только хотела, чтобы никто во всём свете не замечал её существования. И, конечно, мечтала... Постоянно мечтала стать невидимкой и исчезать всякий раз, когда какой-нибудь сердобольный взрослый или любопытный сверстник врывается в её маленький мир. Вот и сейчас захотелось скрыться, вежливо улыбнуться беспечной и неотразимой Беловой и попрощаться до завтра, которое для Нади могло и не наступить. Но Алина твёрдо решила развеселить несчастную сверстницу и, обняв за плечи, громко воскликнула:

– Надя! Где твоя обувь?

Вдовушкина густо покраснела, не находя правильных слов для оправдания своей оплошности. И зачем она отправилась на улицу в этих дурацких грязных тапочках? Надя даже пару раз стукнула себя по голове, как делала всякий раз, когда возвращалась в реальность из выдуманных пространств. Может быть, у неё действительно серьёзные проблемы, ведь уже пятнадцать лет она не может научиться жить, как обычные люди. Но что же делать, если счастье возможно только в мечтах?

– Ну ты реально как вдова в трауре! – Белова поджала губы, пародируя скорбный вид одноклассницы. – Пойдём ко

мне, – она взяла девочку под руку, словно та была её лучшей подругой. – Мне всё равно сейчас очень скучно.

Надя с изумлением посмотрела на принцессу 8 «Г»: неужели такие, как она, могут скучать? Вдовушкина и сама не знала, почему согласилась пойти в гости к Алине Беловой. Может быть, ей просто было холодно и хотелось немного погреться. А ещё она боялась возвращаться домой, в этот комнатный ад, пропахший спиртом и ненавистью. Надю передёрнуло, когда она вспомнила последние слова матери: «Иначе я тебя сама изобью».

Девочка никогда прежде не была в таком огромном, похожем на музей доме. Глаза разбегались от большого количества картин и статуэток. Надя остановилась у золотой феи с крыльями бабочки. Она стояла на одной ноге, высоко подняв другую, и собиралась закружиться в танце. В порыве вдохновения прекрасная дева закрыла глаза и, приложив к губам сложенные ладони, как будто о чём-то размышляла. И в эту минуту Наде захотелось, чтобы сделанная из чистого золота фея подумала о маленькой несчастной Вдове, вынужденной жить на холодной и равнодушной планете без любви и тепла. Алина потянула одноклассницу за рукав.

– Пойдём! Я не хочу на них смотреть. Они такие... неживые! Знаешь, как мне тяжело сидеть целыми днями в этом огромном доме одной?

Надя, разумеется, не знала; одиночество было для неё самой желанной наградой за мучения, которые приходилось

выносить каждый день.

– Снимай тапки и садись на кресло, – скомандовала Али-на.

Целую вечность Надя выслушивала беспечную болтовню одноклассницы, изредка вставляя малозначительные реплики. Впрочем, таких оживлённых людей, как Надина собеседница, мало интересуют чужие проблемы. Им нравится быть в центре внимания, и они хотят, чтобы их слушали, во всём соглашались и периодически кивали в знак одобрения. Вдовушкина прекрасно справлялась с этой ролью: она не любила много разговаривать и судорожно раздумывать, чем бы заполнить возникающие паузы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.